

ТЕАТР

Классика высшего класса

Орловский государственный академический театр им. Тургенева открыл новый сезон премьерой спектакля «Любовь и разочарования молодого человека» (по «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова). Режиссёр-постановщик спектакля — заслуженный деятель искусств Б. Н. Голубицкий.

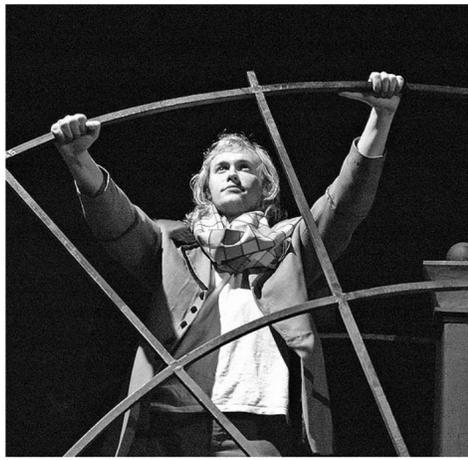
Традиционно вечер начался с торжественного выхода на сцену гостей, поздравивших театр и зрителей с открытием. — Не случайно этот праздник совпал с ещё одним — Днём учителя, — сказал руководитель департамента социальной политики Орловской области В. В. Поляков. — Театр — это тоже учитель. Он учит нас многим жизненным премудростям, позволяет нам посмотреть на себя со стороны. В театре тоже есть свои учителя и ученики. Четырнадцать молодых артистов из восемнадцати прошедших учёбу на актёрском курсе влились в состав труппы.

По традиции была вручена ежегодная Тургеневская премия. На этот раз её удостоились художественный руко-

водитель театра Б. Н. Голубицкий и молодая актриса Екатерина Гусарова. Как всегда, был объявлен и лауреат премии семьи Каменских. Потомок основателя театра граф А. Н. Каменский вручил премию актёру Михаилу Корнилову.

Затем пришло время театрального представления, именно представления — живого, музыкального, пластичного. А ведь могла бы быть сдержанно-сухая традиционная бытовая драма. Но зритель увидел гармоничное соединение строгого текстового содержания, поданного по всем канонам классического искусства, и яркого, оригинального оформления, живой актёрской игры.

Для постановки была использована замечательная

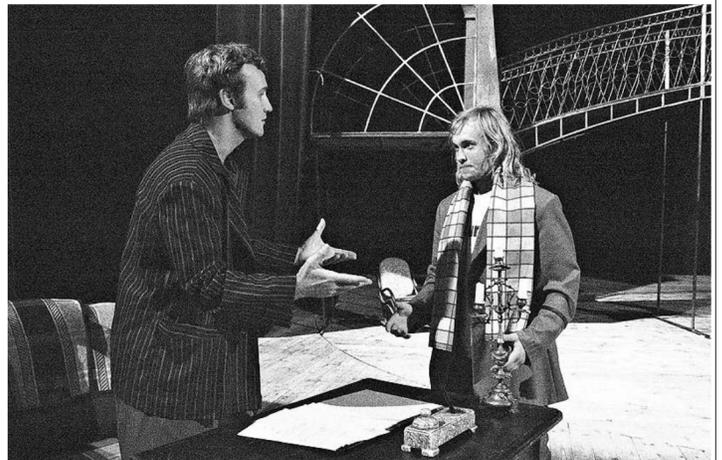
инсценировка 60-х годов Виктора Розова. И сам спектакль получился прекрасный.

Интересно было наблюдать за игрой молодого актёра Павла Сыромятникова, испол-

нителе роли Александра Адуева. Пределная естественность, чудесная органика и весьма хорошая для начинающего артиста актёрская школа. Эффектна в роли Лизы Наталья Каченко.

Снискал симпатии зрителей Вадим Крисюн в роли Петра Ивановича Адуева. Поначалу дядюшка, словно тёмный демон, с каким-то жестоким наслаждением разбивал все иллюзии своего племянника, но потом вдруг обнаружил в себе ещё ту, по-юношески пылкую, жертвенную и искреннюю душу.

Александр же, кажется, об утрате своих надежд и мечтаний не жалеет. Наступивший век не требует сердечности. Ужасный век — ужасные сердца. Впечатляющим в спектакле стал образ Петербурга. Перед талантом художника Бориса Голодницкого хочется снять шляпу. Идущий через всю сцену дугообразный мост с фонарями, лёгкая тканевая полупрозрачная завеса с нарисованными облаками... Это были не декорации, а настоящий, дышащий город, пойманный в силки своих законов и соблазнов души молодого мечтателя. Ещё один живой «персонаж»

спектакля — музыка (музыкальное оформление Н. Куликова). Настроения и состояния героев, главные идеи и повороты событий — всё было озву-

чено тонко и точно, работая для зрителя как музыкальная подсказка.

В театре, ориентирующемся на классику, родился ещё

один классический спектакль. Классный.

Ангела САЗОНОВА.
Фото Сергея ЧУПАХИНА.

Дожить до рассвета

В орловском театре «Свободное пространство» состоялось открытие очередного европейского сезона. После Италии и Франции эстафету приняла Польша. Сезон открылся премьерой спектакля «Ночь» по пьесе современного польского писателя Анджея Стасюка. Режиссеры — лауреаты Государственной премии России Геннадий Тростянецкий и Роман Ильин.

Заявлен спектакль весьма необычно — как «славяно-германский медицинский трагифарс». И накручено в нём много болезненных тем. Одна из основных мыслей — о том, что Центральная Европа изжила себя, погрузилась во мрак ночи и пустоты. И чтобы выжить, ей нужна свежая кровь — восточно-европейская. Кровь — в самом прямом смысле.

Дерзкий и жесткий Стасюк в оценках некоторых весьма провокационных ситуаций обходится без всяких церемоний, доводит явления до абсурда. Такова в спектакле сцена аукциона, где человеческие органы продаются за... автомобили. Сердце — за «мерседес» и селезёнка — за «опель»...

Хотя после откровенной «Бойни» у нашего зрителя уже, наверное, выработалась душевная стойкость ко всей этой драмоанатомии (странное — кроваво-мрачное — лицо получается у польских спектаклей). Шокировало некоторую часть публики (в основном более старшего возраста) другое: как прошел спектакль по русским. И в страхе-то они всех, дескать, держат, и собак жрут. Конечно, и немцам досталось, но им, по крайней мере, не таких собак навесили. Немцы всё-таки выглядели как-то... чище. И кур вон во время войны ошпыливали, а наши — с перьями варили.

Понятна боль польского автора (1960 года рождения), наслушавшегося бабушкиных рассказов о войне. Маленькая Польша оказалась вроде как невольной между двух супердержав, двух великанов.

В спектакле появление двух персонажей на скрытых под полами шинелей ходулях впечатляет. Не забыл автор, что немецкий «великан» поля-

ков за людей не считал («они наши женщины не хотели, считали: нельзя совокупляться с... животными»). Забыл только, что русские, как выразился после спектакля председатель облсовета И. Я. Мосякин, «не кур туда шипать ходили», а фашиста в его логово гнали и что в этой борьбе человекской крови куда больше, чем куриной, пролило было. Много было, факты — вещь упрямая, как говорится. Но вытянутый из контекста, выпяченный до размера идеи факт, выпячивает, сильно деформирует общую объективную картину. А это может быть порой даже опасно.

Вообще, поставив «Ночь», театр,

думается, пошел на риск. Спектакль очень неоднозначный и некоторые деликатные вопросы ставит весьма жёстко. И то, что после него на сцене, где обычно звучат сдержанные торжественные речи, завязалась настоящая эмоциональная дискуссия, означает, что продолжится она и далее. Не хотелось бы, конечно, чтобы в этих спорах было забыто очень важное: спектакль-то получился сильный, яркий. И режиссура талантливейшая, и оформление интересное (художник — лауреат премии «Золотая маска» Степан Загребянин), и актёры выложились по полной.

Ведущему спектакля — Михаилу

Артемьеву — пришлось постоянно перевоплощаться, меняя образы и маски. Новые оттенки и комизма, и драматизма были в игре заслуженного артиста России Валерия Лагоши (Ювелир), интересно раскрылась Юлия Прохорова (Душа).

И очень проникновенной была игра женского хора. Этот собирательный образ и польских, и русских, и всех женщин вообще был как одно большое скорбящее сердце. Какие бы «куриные» обиды нас не одолевали, какие бы масштабные баталии и кампании с далеко идущими благими намерениями не затевались, ничто и никогда не сравнится с сердечной болью матери, потерявшей сына. Разве что боль утраты собственных души и сердца... Именно эту боль пронзительно передал Алексей Карза, сыгравший молодого поляка, сердце которого переселили богатому немцу...

Нельзя не сказать и о Сердже (заслуженная артистка России Маргарита Рыжикова). Это трагическое существо, похожее на беспризорника с котомкой за спиной, идущее по ступям жёсткой и жестокой жизни. Именно оно примиряет и спасает, именно от него зависит, кто ты — труп или человек.

В каждом из нас живёт ночь — и эта сила страшнее, чем внешняя тьма, ведь именно она будит в нас зверя, сбивает в стаи и заставляет нарушать все человеческие законы. Именно она сковывает нас стереотипами и не даёт развиваться. Именно она не позволяет пробиться к другому сердцу и позволяет не дорожить своим.

Нам больно, стыдно, мы возмущаемся, мы восхищаемся, плачем или смеёмся... Значит, мы ещё живы. Значит, сердца наши ещё не проданы. Значит, выберемся из ночи и доживём до рассвета.

Ангела САЗОНОВА.
Фото Сергея МОКРОУСОВА.

Очеловечивание схем

...Крепко обидел меня польский драматург Анджей Стасюк своей пьесой «Ночь». Что я, россиянин, славянин, узнал о себе из текста этого трагифарса? Оказывается, ползаю на четвереньках. Варю в кастрюле неошпианную курицу. Покупаю машины-иномарки в обмен на органы своего тела, которыми торгую оптом и в розницу. Более того, главный герой этого произведения современной западной драматургии Вор крадет у добропорядочных европейских граждан машины и перепродаёт их... молдаванам и монголам...

Умалчиваю и другие неслучайные в наш адрес эпитеты, которыми наградил меня и моих соотечественников автор. Все это звучит со сцены театра «Свободное пространство», вызывая, прежде всего у зрителей старшего поколения, неприязнь. Но странное дело: чем больше я вчитывался в пьесу, а потом и всматривался в сцену на двух премьерных спектаклях, оскорбленные чувства несколько приглушались. А на поверхность вышло понимание того, что Анджей Стасюк собрал воедино множественные схемы и клише стереотипов мышления европейцев о нас, русских, и других народах, живущих на востоке. Аккумулятор извечную боль тех же поляков по отношению к тем, кто в годы второй мировой войны творил на их земле бесчинства... Быть может, в появлении подобной пьесы есть и своя правда и необходимость?

Режиссеру спектакля «Ночь», лауреату Госпремии Геннадию

Вор проникает фантастическим путем в больницу. Встречает донора с пациентом. У них одно сердце на двоих. Им надо понять, что с ними произошло. Диалог Алексея Карзы и Валерия Лагоши выстроен в лучших традициях психологического театра. Артисты предельно эмоциональны, искренни и открыты в образах своих героев. Проникнуться ими помогает и емкий метафорический язык. Режиссер вводит в спектакль не обозначенный в пьесе образ Сердца. Этакий вечный беженец в шапочке-ушанке, сером полушубке, с котомкой за плечами (заслуженная артистка России Маргарита Рыжикова). Сердце бегаёт вокруг своих «хозяев», прыгает, постукивает, сжигается, распрямляется. Замечательная актриса продемонстрировала уникальное и трогательное владение пластикой, без режиссерской помощи. И помогла зрителям глубоко проникнуть в суть вражды и последующих взаимо-

Тростянецкому, потребовались все запасы его мудрости и таланта, чтобы очеловечить придуманные драматургом схемы. Сделать их не ходячими штампами, а живыми, наполненными чувствами людьми. Очеловечить условные фарсовые ситуации и фигуры режиссеру удалось двумя способами. Тщательной, кропотливой работой с актёрами и насыщенным спектаклем достаточно большим количеством сценических метафор, признанным мастером которых Геннадий Тростянецкий считается уже много лет.

Вот они во всей красе на сцене: Вор в цветастых трусах, кричащий из-под крышки гроба о своем желании воскреснуть и продолжить «красивую жизнь» уродливого (арт. Алексей Карза) и Ювелира в облике заслуженного артиста России Валерия Лагоши. Его «жирдяй» является на сцену в коробке-морозильнике голышким полугруппом. Оживая, сочно, не стесняясь в выражениях, поливает своей неприязнью сначала славян, а затем, с пережатым сердцем поляка, и единокровных немцев. Его диалог с врачами полны националистических амбиций. Но на наших глазах происходит метаморфоза. Временно оживший

ближенный немца и поляка, в перипетии возникающих между ними антипатий и пониманий. В финале Ювелир и Сердце (а не Вор, как в пьесе) ложатся вместе спать в ожидании утра. Свет доброты и духовности, возникающий в этой предфинальной сцене, непостижимым образом перебивает шум, мрак и дискомфортность предыдущих эпизодов спектакля, которые разворачиваются на фоне выстроенного художником С. Загребяниным металлического задника, разрисованного автомобилями, огромных и железных «капельниц» немецкой клиники, под музыкальное сопровождение громоых джаз- и рок-мелодий.

В спектакле немало таких, зримых и слышимых, метафорических находок. Две огромные живые фигуры выходят на авансцену — немецкий и русский солдаты. Оба, по мысли автора пьесы, совершают насилие над беззащитными женщинами оккупированной земли. Одетые в черные платки и траурные платья до пят участницы «Хора женщин», поющие старинные польские песни и вспоминающие трагические эпизоды из военного быта, потери близких, страдающие даже своим бывшим врагам. Они, вдовы эти, чьи лица скрыты

белыми масками, олицетворяют нашу общую память о страшных годах второй мировой войны.

Можно долго и подробно писать о языке сценических метафор Г. Тростянецкого, о взрывчатой, неровной, «мерцательной аритмии» эмоционального мира спектакля «Ночь», о тонких нюансах игры актёров, тянущих своих героев и героинь к свету, из тьмы предрассудков.

Но открытие «польского пространства» в театре «Свободное пространство» разбудило и совсем иные размышления. Антирусские эскапады автора, спланированные в спектакле умной и талантливой режиссурой Г. Тростянецкого, все-таки задевают за живое нас, представителей старшего поколения. Впечатления от пьесы и спектакля накладываются на некоторые неблагоприятные для России политические события в странах Европы, которые еще совсем недавно были или союзниками нашими, или в составе СССР. В Эстонии убирают с улицы памятник советскому солдату и раскапывают могилы советских воинов. В Польше некоторые политические силы посягают на советскую экспозицию в музее «Концлагерь «Освенцим», требуют ее «пересмыслить». По земле Латвии и Украины активно маршируют, изрыгая проклятия националисты, бывшие эссы и их наследники, бывшие соратники. Для всех этих, кто терпеть не может русских только тогда, когда они живут рядом с ними, тычки и плевки современных драматургов Запада в нашу сторону — мана небесная. Вот почему на первом премьерном спектакле в Орле человек десять демонстративно вышли из зала, а поздравляющий театр председатель облсовета Иван Яковлевич Мосякин очень осторожно выразил свое недовольство некоторыми неэтичными репликами в пьесе в адрес своих соотечественников. На премьеру спектакля «Ночь» в Дюссельдорфе в 2005 году возник скандал уже по поводу антинемецких реплик и настроений, тоже злобных в тексте стасюковской описи и мощно акцентированных на германской сцене.

Но далеко не все европейцы, и поляки в том числе, болеют русофобией. Вспомните ту же «Варшавскую Вспомини», поэму о любви русского и полячки — благословенный спектакль в театре имени Вахангова с Борисовой и Ульяновой. Вспомните пьесы Славомира Мрожека и фильмы Анджея Вайды, романы В. Реймонда и Б. Пруста... Не было в них никаких националистических, оскорбляющих человеческое достоинство мотивов. Было другое — высокий и понятный всем гуманизм, объединяющий и русских, и немцев, и поляков.

Увы, в ряде сегодняшних западных пьес и спектаклей «фобии» преобладают. Проникают к нам. А мы ведь, русские, в основе своей православные люди, терпимые ко всему. Молимся даже за обидчиков своих, переживая и подавляя в себе эти обиды, проглатывая, не поперхнувшись, заказанные Евросоюзом или спонтанно возникающие в среде европейской интеллигенции чуждые, а порой и оскорбительные для нашего национального самосознания тенденции. Наша задача — подниматься над обидами во имя более высокой цели — сближения. А сближение будет, я в этом уверен. С учетом этой позиции я готов смиряться с появлением в городе «ночных забав» бывшего польского диссидента, а ныне архивостребованного Европой современного автора.

Виктор ЕВГРАФОВ.
Заслуженный работник культуры России.